

Министерство культуры и спорта Республики Казахстан

Казахский научно-исследовательский институт культуры

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ТОПОНИМИКА, ЭПИГРАФИКА, ИСКУССТВО**

Сборник материалов международной научной конференции

г. Астана,
18–19 ноября 2014 г.

Издательство EVO PRESS
Алматы
2014

УДК 930.85

ББК 63.3

П 78

Издание осуществлено в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Проведение прикладных научных исследований по изучению истории, археологии, этнографии, культуры и искусства номадов» Министерства культуры и спорта и оплачено за счет программно-целевого финансирования Министерства образования и науки Республики Казахстан

Редакционная коллегия:

А.Р. Хазбулатов (председатель), И.В. Ерофеева (отв. ред.), А.Е. Рогожинский, Н.Б. Базылхан

П 78 Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. – Алматы: Издательство EVO PRESS, 2014. – 292 с. + 32 с. вкл.

ISBN 978-601-230-050-5

В сборник вошли статьи и сообщения участников международной научной конференции (г. Астана, 18–19 ноября 2014 г.), посвященной актуальным проблемам нематериального культурного наследия кочевых народов Казахстана и Центральной Азии от эпохи античности до конца нового времени.

В публикуемых материалах отражаются результаты новейших научных исследований отечественных и зарубежных специалистов по исторической топонимике, эпиграфике, удостоверительным знакам-тамгам и искусству евразийских кочевников разных эпох, рассмотрено функциональное назначение выявленных топонимических объектов, изображений и текстов в разных сферах жизни кочевых народов; раскрыто их значение как памятников духовной культуры номадов региона.

УДК 930.85

ББК 63.3

ISBN 978-601-230-050-5

© Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2014

© ТОО «Издательство EVO PRESS», 2014

З.А. ДЖАНДОСОВА, И.В. ЕРОФЕЕВА

ИМЯ СТРАНЫ: ИСТОРИЯ МАКРОТОПОНИМА ҚАЗАҚСТАН/КАЗАХСТАН

Имя нашей страны – *Қазақстан/Казахстан* – связано с названием, точнее, с самоназванием казахского этноса – *қазақ/qazāq/казах* – и образовано по модели, роднящей его с целым рядом других «станов» Евразии и напоминающей о существовавшем когда-то в былые времена незримом континенте иранской письменной культуры. Заимствованное из персидских письменных источников, это слово смешанного тюрко-иранского происхождения (*qazāq* – ‘казах’ плюс перс. *stān* – ‘стойбище’, ‘место обитания’, ‘страна’) в настоящее время твердо закрепилось за этнической и государственной территорией казахов, став в сочетании со словом «республика» с 16 декабря 1991 года официальным названием независимого государства – Республики Казахстан. Но не все так было просто с момента появления этого макро-топонима в персидских летописях и евразийском политическом лексиконе средних веков. Слишком много внутренних и внешних факторов накладывалось на простую, казалось бы, дефиницию, означающую этническую территорию и возникшее на ней государство. К внутренним факторам относится специфика кочевого скотоводства и кочевой государственности, родоплеменная организация казахского общества и связанные с нею стремление к сегментации отдельных социальных групп казахов-степняков, замедленный характер консолидации этноса, а также «открытость» его территории для массового проникновения извне в силу отсутствия на этом географическом пространстве четких естественных рубежей (специфика «азиатской границы»). К внешним факторам относятся, прежде всего, долговременный экспансионизм соседних государств, да и ход геополитической истории континента в целом.

Происхождение топонима связано с историческими событиями, ставшими началом формирования в Степи, называвшейся в персидских источниках (основных для этого времени) *Кипчакской степью (Дашт-и Кипчак)*, нового государства – Казахского ханства как политического объединения этнической общности казахов. Для того, чтобы появилось слово *Қазақстан*, необходимо было, чтобы возникло и обрело значение этнонима слово *қазақ*, и чтобы после этого сложились политические условия для переноса нового этнонима на название целой страны. И такое слово в монгольскую эпоху появилось. Оно, вероятно, существовало еще в древнетюркском языке, однако было зафиксировано в мусульманских источниках лишь в XIII в.

Слово, ставшее впоследствии этнонимом *қазақ*, долгое время бытовало в качестве соционима, означавшего в тюркском обществе послемонгольского времени определенную социальную группу, а также определенный тип социального поведения. После этого оно употреблялось в качестве этнополитонима, означавшего принадлежность к определенному государственному образованию и постепенно превратилось в чистый этноним. Соционим *қазақ* при этом уцелел, но в своем первоначальном значении стал относиться к другой общности (или к другим общностям), не имеющим прямого отношения к этнической общности казахов.

Этимология слова *қазақ* (*qazāq*) до конца неясна. В анонимном половецко-арабском (кипчакско-арабском) словаре, составленном в Египте или Сирии для общения с рабами-мамлюками, взятыми в плен в Западном Дашт-и Кипчаке и опубликованном в 1894 г. Мартином Хоутсма в Лейдене по рукописи 1245 года, слово *qazāq* переведено на арабский как *al-mujarrad* со значением ‘свободный’ (другие значения ‘бесприютный’, ‘скиталец’, ‘изгнанник’) [Pritsak, 2006. P. 238]. Если не упоминать совсем фантастические идеи, то в разное время предлагались версии происхождения *qazāq* от таких глаголов, как *qaz* – ‘рыть’, *qez* – ‘скитаться’, ‘бежать, спасаться’. Однако наиболее убедительной выглядит версия Аннемари фон Габен (1960), согласно которой глагол *qaz* в языке орхонских надписей имел то же значение, что и глагол *qaza an* – ‘собираться’, ‘завоевывать’. По мнению О. Прицака, слово это не было включено в словарь Махмуда Кашгари (XI в.), потому что относилось к лексике кочевников, которую не принимали и которой не пользовались оседлые тюрки [там же]. Второе упоминание слова встречается в *Codex Cumanicus* (1303): в форме *Cosac* оно включено в первый текст сборника, написанный в 1294/95 году и представляющий собой латинско-персидско-половецкий словарь. Копия 1303 г. была переписана в 1303 г., по всей вероятности, в монастыре Св. Иоанна в столице Золотой Орды – Сарае. Латинская глосса *guayta* – ‘страж’ переведена персидским *naobat* – ‘часовой’ и половецким *GhazalCosac*, где *Ghazal* – определение, семантика которого пока не установлена. В персидских источниках *qazāq* появляется в тимуридскую эпоху со значением ‘вольный скиталец’. Появляется и производное от *qazāq* – *qazāqī* – ‘казачество’, но не в значении ‘казачья общность’ или ‘общность казаков’, а в значении ‘образ жизни казака’. Отсюда появлялись выражения со значением ‘вести себя как казак (по-казацки)’, ‘казаковать’. Например, у Натанзи (1412): *darannavāhī basurat-iqazāqī megardad* (‘по той области [он] по-казацки скитался’). Все три случая свидетельствуют о том, что в XIII – начале XV в. слово *қазақ/qazāq* было в тюркской кипчакской среде не этнонимом, а соционимом, обозначением некоего социального института [там же. С. 239].

Как считает Т.И. Султанов, «каково бы ни было происхождение слова «казак»,... первоначально оно имело нарицательное значение, в смысле – свободный, бездомный, скиталец, изгнанник, а также человек удалой, храбрый..., обозначало всякого вольного человека, отколовшегося от своего народа и племени, своего

сеньора и законного государя и призванного вести жизнь искателя приключений» [Кляшторный, Султанов, 2004. С. 249]. В своей «Бабур-наме» ведущий тюркский писатель того времени – Бабур многократно употребляет слово *qazāq*: «Мы послали в набег Монгол Тулуна с двумя-тремя сотнями молодых казаков (или казакующих джигитов) (*ekiuč jüz qazāq jigitlar*)»; «С теми, кто страдал вместе со мной, и кому нужны были средства к существованию, мы совершили несколько казацких набегов»; «тем принцам и воинам, кто участвовал со мной в казацких набегах, были розданы города и имущество» (цит. по: Pritsak, 2006. Р. 239). По словам Т.И. Султанова, исходное значение термина – социальное: «Это состояние... лица... по отношению к правителю, обществу, государству. Так, изгой, который бродит по разным местам, прокармливая себя мечом своим, – казак; человек, который пускается в дальний и опасный путь один, без товарищей, – казак; удалой молодец, по выражению Бабура, «неутомимо, с отвагой угоняющий табуны врага, – тоже казак. ... Казакком мог стать любой человек, будь он тюрк или перс, рядовой кочевник-скотовод или принц крови в десятом поколении» [Кляшторный, Султанов, 2004. С. 249–250]. Казакком нельзя было родиться, казаками становились, делались, причем только на какое-то время (возможно, это считалось своего рода инициацией). Период пребывания в казаках назывался *казакованием* (казачеством): тюрк. *qazaqlıq*, перс. – *qazāqī*. Наречие *qazāqāna*, как и выражение *basurat-iqazāqī*, означало 'по-казацки' (в т.ч. 'по-спартански', 'скромно'), а словом *qazāqdash* называли товарища по вольной казацкой жизни. Часто складывались группы, сообщества казаков, совершавших совместные набеги или даже поступавших (в качестве своего рода кондотьеров?) на службу к другим правителям. Так, в XV в., после распада Золотой Орды, в Степи появилось много вольных людей, казаков, поступавших на службу Русскому государству. Формирование русского казачества началось со степняков, говоривших по-тюркски.

Когда часть кочевников даштского (степного) государства Абу-л-Хайра, которое еще называют *Государством кочевых узбеков*, или *Узбекским улусом*, в 1459–1460 гг. ушла во главе с султанами-чингизидами Жанибеком и Кереем (Кираем) из-под власти Абу-л-Хайра и направилась далеко на восток, в Семиречье, чтобы либо кочевать там вольно и независимо, либо найти себе другого покровителя, к откочевавшим (и прежде всего к их лидерам-султанам) был естественным образом применен социальный термин *қазақ/qazāq*. Дальше произошла эволюция этого термина. Социальный термин 'вольные люди' превратился в политический, распространился на всех тех, кто находился под властью 'вольных людей' и стал означать: 'подданные (тех) вольных султанов, султанов-қазақов', 'подданные хана-қазақа'. Затем последовали и самоидентификация, и самоопределение: «Мы – қазақи», «мы – қазахи». Впервые за всю историю Дашт-и Кипчака созданная казаками «вольница» не распалась, а окрепла в своей обособленности. Через полвека социальное значение термина (для этой общности) полностью нивелировалось, а этническое начало

актуализировалось с помощью политического движка. Созданное Жанибеком и Кереем Казахское ханство давно уже существовало независимо. Политический термин стал приобретать этнический характер. И в *Та'рїх-и Рашидї* Мирзы Мухаммад-Хайдара Дуглата, которая является главным источником по начальному периоду формирования Казахского ханства, кочевники названы как *казаками* (*qazāq*), так и *узбек-казаками* (*uzbaqqazāq* – ‘казакующими узбеками’) только для того, чтобы напомнить об их происхождении из Узбекского улуса. К тому времени, когда писалась *Та'рїх-и Рашидї*, т.е. к тридцатым годам XVI в., казахи были уже этнической группой с отчетливо выраженной идентичностью, намного более сильной и многочисленной по сравнению со временем откочевки [МИКХ. С. 185–236; Пищулина, 1997. С. 280–295].

В более раннем источнике – мемуарном сочинении *Бадāи ал-Вакāи* Зайн ад-Дїна Васифи, написанном в первой половине XVI в., содержатся не только два упоминания о *қазақах*, но и, возможно, первое в письменных источниках упоминание названия страны – *Казахстан* (*Қазақстан*). В «Реляции о победе над казахами» при описании совместного похода бухарского хана Шибанида ‘Убайдаллāх-хана и хана Могулии Чагатаида ‘Абд ар-Рашид-хана против казахов в одном пассаже, в частности, сказано: «[Они] обратились к снаряжению и вооружению для отражения казахов, и в день четверг двадцать шестого священного месяца мухаррама [5 июля 1537 г.] с огромным, устрашающим горы и ужасающим моря войском знамена прибежища победы двинулись с берега реки Сайрам [левый приток Арыси] в сторону Қазақстана, и местность Никин [Янги?=Тараз], что из числа древних городов и который сейчас разрушен, стала местом, где были раскинута победоносные шатры» [МИКХ. С. 180]. Топоним «Қазақстан» в данном случае означал территорию, подконтрольную казахскому хану, т.е. Казахское ханство. А власть казахского хана между тем распространилась с Семиречья на весь Туркестан и на весь Восточный Дашт-и Кипчак.

Источники середины XV – начала XVI в. рассказывали о борьбе чингизидов разных ветвей за власть над населением Восточного Дашт-и Кипчака и Туркестана, называя его и *узбеками*, и *казаками*, и *узбек-казаками*. Источники первой половины XVI в. чаще говорят о казаках (казахах), однако, очевидно, что речь идет о том же самом населении. С одной стороны, это свидетельствует о переходе власти к другой линии чингизидов, а с другой стороны – о формировании казахской народности, пока в рамках Среднего жуза. Кыпчакское ханство, а в послемонгольское время Ак-Орда и Моголистан, бывшие непосредственными предшественниками Казахского ханства, создали условия для будущего объединения племен, но они же и заложили основу деления на жузы. Государственное объединение казахов во второй половине XV–XVI в. помогло объединить близкие по образу жизни родовые группы и племена, из которых складывалась казахская народность – практически все население Восточного Дашт-и Кипчака, Туркестана и Жетысу. Принципиальное значение имело

объединение в одном государстве кыпчакского союза Дашта и усуньского союза Семиречья, а с ним и объединение формирующихся Среднего и Старшего жузов в одну народность. Это постепенно расширило значение понятия Қазақстан до масштаба этнической территории.

Уход большого числа кочевых узбеков из Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и создание там двух узбекских ханств – Бухарского и Хивинского – изменили ситуацию с понятиями «узбек» и «Узбекистан». Эти термины перестали употребляться в отношении Дашт-и Кипчака, переместившись на юг, а население Дашт-и Кипчака стало называть себя *қазақами* (*казахами*).

Начиная с XVII в., этноним *қазақ* уже постоянно употреблялся кочевым населением трех жузов для лексического оформления занимаемой им территории, что нашло отражение в казахских письменных источниках XVIII – первой четверти XIX в., составленных на бывшем общем литературном языке татар, башкир, узбеков, казахов и других тюркских народов – *чагатайском* (*среднеазиатском*) *тюрки*. Самой многочисленной группой этих исторических памятников являются письма верховных правителей казахов главам и чиновникам соседних государств, в которых они при обозначении своего полного монархического титула, как правило, указывали название подконтрольной им страны. Так, в письмах казахских старших ханов Абулхаира (1710–1748) и Абылая (1768–1780) 1718–1779 гг., адресованных российским монархам и оренбургским пограничным властям, по отношению ко всему ареалу расселения казахов трех жузов использовались три группы собственных имен:

Қазақжұрті (*йурт*) – ‘казахский журт’ и *Қырғыз-Қазақжұрті* (*йурт*) – ‘кыргыз-казахский журт’, т.е. ‘казахская страна’ и ‘кыргыз-казахская страна’;

Үш Алашты қазақжұрті (*қазақ уч-алачйурт*) – ‘казахская страна трех алашей’, *Алашжұрті* (*алачйурт*) – ‘страна алашей’, *Үш Алаштыжұрті* (*уч-алачйурт*) – ‘страна трех алашей’;

Арқа – Степь, иногда с разными определениями [РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 726 и об.; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1.1748 г. Д. 4. Л. 29 и об.; Оп. 3. 1776 г. Д. 1. Л. 4, 47–48 об.; ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 53–54 об.; 60–61 об.; МИКССР-2. Док. №72. С. 196–198; №85. С. 224–225, 393–397].

Системообразующим элементом всех вышеприведенных ономастических формул выступает древнетюркское слово *йурт*, или *журт* (каз. – *жұрт*, рус. – *юрт*) – ‘дом’, ‘владение’, ‘земля’, ‘страна’ [Древнетюркский словарь, 1969. С. 282], которое широко использовалось начиная с XIII в. тюркоязычными народами Центральной Азии для обозначения постоянных мест кочевания своих этнических групп [Мурзаев, 1996. С. 160]. В этом смысле термин *журт* многократно упоминается в письмах разных казахских ханов, султанов и старшин XVIII – первой четверти XIX в. российским и другим иностранным государям [МИКССР-2. Док. № 2, 20, 43, 46, 97, 113; МИКССР-4. Док. № 4, 41, 42, 50, 55, 80, 110, 114, 127]. В качестве уточняющего прилагательного к этому понятию в обеих группах собственных имен присутствуют

определения «казахская», или «кыргыз-казахская», образованные на основе этнонимов *қазақ* и *қырғыз*, и *алаш* (*алач*) или *ұшалаш* (*учалач*), этимология которых восходит к этногенетическому мифу казахского народа.

Значение употребленного в письмах ханов Абулхаира и Абылая макротопонима *Кыргыз-Казахский журт* (*Кыргыз-Казахская страна*) пока еще не поддается точному объяснению. Поскольку в этом варианте названий страны фигурируют два этнонима: *кыргыз* и *казах*, то, возможно, поименованные выше степные правители распространяли сферу своего влияния не только на казахские жузы, но и на какую-то часть родственных им кыргызских родов и племен, и поэтому терминологически оформляли территорию расселения обеих соседних этнических групп общим для этих народов двусоставным именем. В данном контексте обращает на себя внимание такой примечательный факт, как насильственное переселение джунгарским хунтайджи Цэван-Рабданом (1697–1727) в 1703 и 1706 гг. из бассейнов рек Белый и Черный Юс, Абакан и верховьев Енисея зависимой от него большой группы местных кыргызов в количестве около 15 тыс. человек (скорее даже семей!) в Чу-Таласское междуречье, на границу Джунгарского ханства со Старшим жузом казахов и тяньшанскими кыргызами [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995. С. 21; Моисеев, 1998. С. 12–13; Боронин, 2004. С. 111–114]. В течение нескольких лет или даже ближайших десятилетий переселенные на юго-восточную границу Казахского ханства енисейские кыргызы тесно взаимодействовали здесь с местными тюркоязычными кочевниками и западными монголами-ойратами, однако последующая этноисторическая судьба этих вынужденных мигрантов сколько-нибудь конкретно не прослежена в научной литературе.

Характерно, что именно к этому историческому периоду восходит фабула казахского народного предания, приведенного М. Тынышпаевым в «Исторической справке» о коренном населении Ташкентского уезда в марте 1924 г., о якобы существовавшей в годы правления старшего казахского хана Тауке (1672–1715) «федерации казахов (*казахов* – авт.) из 6-ти частей, известных под именем *Алтыалаш* (союз шести алашей)». В состав этой федерации, согласно преданию, входили наряду с казахами трех жузов, каракалпаками, катаганами и кыятами, среднеазиатские кыргызы во главе с неким Кокым-бием [Тынышпаев, 1993. С. 180].

В сочинениях мусульманских авторов и российских архивных документах двух последних десятилетий правления Тауке и более поздних исторических эпох, изученных современными историками, содержится немало фактических сведений о совместной борьбе казахов, кыргызов и других этнических групп тюркоязычного населения Центральной Азии против завоевательной политики Джунгарского ханства в первой половине XVIII в., а также о попытках создания лидерами казахских жузов и соседних мусульманских государств единой антицинской коалиции в 1760-е годы [Сулейменов, Моисеев, 1998. С. 102–114; Моисеев, 1991. С. 55–173; Сапаралиев, 1995. С. 37–60, 86–100; Сапаралиев, 1999. С. 7–44; Моисеев, 2012. С. 235–241].

Однако приведенные в письменных источниках начала – середины XVIII в. лаконичные данные по истории казахско-кыргызских отношений того периода носят в целом малоинформативный и дискретный характер, не создавая сколько-нибудь четкой и детальной картины. Поэтому вопрос о политической интеграции крупных родоплеменных группировок казахов с отдельными социально-территориальными либо локальными группами тяньшанских кыргызов под патронатом казахских правителей-чингизидов сегодня остается открытым в исторической науке.

Употребление в письмах Абулхаира и Абылая понятия *Кыргыз-Казахский журт* по отношению к этнотерриториальным владениям обоих старших ханов можно объяснить также букввальным соблюдением их личными секретарями официальной российской ономастической традиции, согласно которой в имперском делопроизводстве казахи обычно обозначались экзоэтнонимом *кыргызы*, а не их собственным этническим именем. Однако эта этимологическая версия является маловероятной по определению, если иметь в виду, что термин *Кыргыз-Казахский журт* упоминается в оригинальных письменных текстах казахских ханов, султанов и старшин середины XVIII – первой половины XIX в. параллельно с топонимом *Казахский журт* и другими вариантами обозначения всей подконтрольной им территории казахстанско-среднеазиатского региона, хотя в российских официальных документах того времени казахи по-прежнему именовались *кирзиз-кайсаками* и *киргизами*, а их страна – *Киргиз-Казацкой* (*Киргиз-Кайсацкой*) или *Киргизской ордой*.

Этимология второй группы вариантов обозначения страны – *Казахский уш-алашжурт*, *Алашжурт*, *Уш-алашжурт* и т.п. – тесно связана с народной мифологией казахов. Под термином *УшАлаш* – ‘три алаша’ казахи в XVII–XVIII вв., как и в более позднее время, имели в виду три этнотерриториальные части своего народа – жузы, занимавшие три смежные друг с другом историко-географические области региона – Южный, Центральный и Западный Казахстан. К тому времени казахское общество имело сложную и разветвленную родоплеменную структуру и подразделялось на Старший, Средний и Младший жузы. В российских документах XVIII – середины XIX в. они обычно назывались *Большой*, *Средней* и *Малой*, или *Меньшей*, *ордами*. Каждый жуз, в свою очередь, делился на несколько крупных племен (в Старшем и Среднем жузах) и поколений (в Младшем жузе), а те и другие – на роды, их отделения и более мелкие ответвления, связанные традицией единого генеалогического древа [подробную информацию об исторической номенклатуре казахских племен, поколений, родов и существующих в науке разных точках зрения на проблему происхождения трех жузов и составляющих их родоплеменных групп кочевников-казахов см.: *Масанов*, 2011. С. 93–276].

Происхождение трех жузов традиционно осмысливалось в массовом сознании казахов-кочевников посредством категорий первородства, родства и старшинства, что нашло отражение в широко расхожей в их среде генеалогической легенде о мифическом родоначальнике своего народа Алаша-хане, у которого было три

сына, ставшие прародителями казахских жузов. Миф об Алаша-хане и его сыновьях, возглавивших три сотни храбрых и удалых казакующих скитальцев, существовал в казахском кочевом обществе и передавался на протяжении трех-четырех веков от одного поколения к другому в нескольких взаимно различающихся вариантах [Шангин, 2009. С. 67–71; Левшин, 2009. С. 146–147; Элжанов, 2004. С. 123–139; ИКРИ–9. С. 119–120, 299–300]. По этому поводу Ч. Ч. Валиханов в середине XIX в. писал: «Все три орды, составляющие союз *Казах* (так называют себя киргизы), считают своим родоначальником некоего Алача, что значит чужеземец, или, буквально, не наш... Кто такой был Алача, откуда он взялся, народное предание повествует различно» [Валиханов, 1985. Т. 2. С. 308]. Основываясь на общей фабуле разных вариантов этой генеалогической легенды, казахи нарицательно именовали три жуза термином *ушалаш* – ‘три алаша’, то есть потомками трех сыновей своего родоначальника Алаша-хана. Отсюда этническая территория казахского народа и кочевого государства казахов обозначалась в письмах степных ханов иностранным государям как «казахский журт трех алашей».

В начале XX в. понятие *Алаш* как самоназвание страны казахов было политизировано лидерами одноименного казахского национального движения (А. Букейханов, А. Байтурсинов), целью которого было создание *Алашской автономии* – казахской автономии внутри России. Характерно, что газета, главный орган движения «Алаш», носила название «Қазақ».

Параллельно с распространением в казахском обществе двух первых групп топонимических понятий территория расселения трех жузов нередко терминологически оформлялась правителями кочевников в непосредственном общении и дипломатической переписке с иноземными соседями емким и выразительным названием *Арка* – ‘Степь’. Несмотря на то что этот термин впервые встречается в казахских письменных источниках 40-х гг. XVIII в. [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 114–115], он, вероятно, употреблялся казахами и в более ранний исторический период, так как уже ко времени вступления Младшего и Среднего жузов под патронат русской императрицы топоним *Степь* был широко расхожим в политическом лексиконе имперских чиновников на юго-восточных окраинах и в столице России. Вероятна и связь топонима с более ранним названием страны в персидских письменных источниках – *Дашт-и Кипчак* (Кыпчакская степь).

В России с 1508 г. до начала XVIII в., а вслед за ней и в Европе казахи обозначались в посольской документации и печатных произведениях разных авторов их этническим самоназванием, а страна, населенная народом *казак* – *Казацкой*, или *Казатцкой*, *ордой* [Посольская книга, 1984. С. 80; Исин, 2002. С. 57, 63, 67; см. также: ИКРИ–1]. Так, в «Трактате о двух Сарматиях» Матвея Меховского 1517 г. Казахское ханство упоминается в форме *Казахская орда* [Меховский, 1996. С. 63, 144]. На карте английского путешественника во внутреннюю часть Евразии А. Дженкинсона 1562 г. она поименована как «Казакция» (*Cassackia*) [Труды, 1890. Т. 14. С. 227].

В статейных списках русских посланников в степной город Туркестан 80–90-х гг. XVII в. страна казахов, как и в предшествующий период, по-прежнему называлась *Казацкой*, или *Казачьей ордой*, а сами казахи – их собственным историческим именем [СПбФ. АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12, 14; ИКРИ–1. С. 407–432]. Под тем же этнонимом (*казаки тартары*) различные группы казахских родов и племен фигурируют на соответствующих страницах трехтомного труда «Северная и Восточная Тартария» голландского бургомистра и путешественника конца XVII в. Николааса Корнелиуссона Витсена, опубликованного в Амстердаме в 1697 г. и переизданного там же в 1705 и 1785 годах [Витсен, 2010. С. 464–466].

В XVII – начале XVIII в. кочевьями казахов заполнялось все территориально-географическое пространство между местами кочевания енисейских и тяньшанских кыргызов, и по своему образу жизни, языку и внешнему облику они мало отличались от этих кочевых соседей, что, впрочем, не мешало в то время тобольским воеводам и столичным российским властям фактически и терминологически разграничивать казахов, енисейских и тяньшанских кыргызов. Однако до начала эпохи массированных вторжений ойратов в южные казахские степи основная масса степных родов и племен концентрировалась в центральной и южной частях Казахстана, расположенных на дальнем расстоянии от русских городов и селений Западной Сибири, поэтому казахи тогда практически были неизвестны местным русским людям, а упоминания о них в служебных документах сибирских воевод и их подчиненных носили в целом эпизодический и дискретный характер.

Этногеографическая ситуация в Волжско-Уральском регионе и на юге Сибири существенно изменилась в начале XVIII в. в связи с целым рядом военных вторжений джунгарских войск во главе с хунтайджи Цэван-Рабданом (1697–1727) в южные кочевья казахов и смещением казахских кочевий в северную часть региона. В ходе этих миграций перед казахскими племенами и родами остро встала проблема освоения плодородных пастбищ и крупных водоемов на границе с русскими земельными владениями на Южном Урале и в Западной Сибири, в результате чего они были вынуждены вступать в более тесные контакты с пограничными российскими властями.

После внезапного исчезновения основной массы енисейских кыргызов из районов их давнего обитания, появления на сибирских границах России больших групп внешне похожих на них казахов-кочевников и организации правителями Младшего и Среднего жузов в первой четверти XVIII в. целой серии вооруженных нападений казахских воинов на приграничные русские города и селения Западной Сибири малоизвестные местным «служилым людям» казахи стали отождествляться ими с былыми самыми беспокойными и воинственными кочевыми соседями – енисейскими кыргызами, которых джунгарский хунтайджи переселил в 1703 и 1706 гг. на юго-восточную границу ареала расселения казахских племен. В результате этой поверхностной идентификации в документах Казанской и Сибирской губернских канцелярий с 1715 г. до начала 30-х гг. XVIII в. по отношению к казахам параллельно

употреблялись этнонимы *казак* и *киргиз* [КРО–1. С. 28, 30–31; ИКРИ–2. С. 267–300; Левшин, 2009. С. 144]. Тогда же в образованных кругах сибирского общества, тесно связанных с Петербургской Академией наук, возникла умозрительная версия об их общих этногенетических корнях с енисейскими кыргызами и о бассейне Енисея как исторической прародине обоих народов [Примечания на Ведомости. Ч. 28–31. Спб., 1734. С. 111–116].

Питательной почвой для создания теории о происхождении казахов от енисейских кыргызов явилась история приобретения пленным шведским офицером Ф.И. Страленбергом во втором десятилетии XVIII в. рукописи сочинения хивинского хана и историка Абу-л-Гази-Бахадур-хана (1603–1664) *Шаджара-и тюрк[и]* – «Родословная тюрк», переводов ее с чагатайского тюрки на немецкий, французский и русский языки и комментирования переведенных текстов. Купив в 1720 г. рукопись «Родословной тюрк» в Тобольске у одного приезжего бухарского купца, Ф.И. Страленберг передал ее находившимся в то время здесь двум пленным шведам – Петеру Шенстрему (P. Schönström) и Бентинку (Bentinck), которые со слов тобольских татар-переводчиков перевели этот рукописный труд на немецкий язык, а с него – на французский язык. Французский перевод был издан в 1726 г. в Лейдене под названием «*Histoire généalogique des Tatars*». Позднее этот перевод послужил оригиналом для перевода «Родословной тюрк» на русский (1768 г.) и английский (1780 г.) языки.

В 20–30-х гг. XVIII в. труд Абу-л-Гази-Бахадур-хана частично либо полностью переводился на европейские языки Г.З. Байером, Г.Е. Кером, Ф.И. Страленбергом и другими исследователями, которые широко пользовались им в своих исторических изысканиях. В дальнейшем изучение сочинения хивинского историка шло не менее энергично; этот памятник на протяжении XVIII–XIX вв. привлекал к себе внимание многих ученых [Кононов, 1982. С. 71–83].

Французский перевод «Родословной тюрк», опубликованный в Лейдене в 1726 г., вышел в свет с примечаниями шведа Бентинка. Внимание этого автора, как и позднее его последователей, привлекли в сочинении Абу-л-Гази разделы, посвященные древнему происхождению енисейских кыргызов и их родственным взаимосвязям с «татарами» («Поколение киргизов и кемкемчутов», «Поколение татар») [Абу-л-Гази-Бахадур-хан, 1996. С. 33–34], из содержания которых Бентинк, а вслед за ним и другие европейские и русские комментаторы «Родословной тюрк» сделали вывод об этногенетическом родстве казахов с енисейскими кыргызами.

Исходя из этого заблуждения, а также ввиду внешнего, антропологического сходства двух соседних народов, российские столичные и провинциальные чиновники с 20-х гг. XVIII в. стали рассматривать казахов как одну из отделившихся в прошлом ветвей енисейских кыргызов и потому начали именовать их *киргиз-казаками*, или *киргизами*. По поводу возникшей в ту эпоху терминологической путаницы в российском политическом лексиконе известный казахстанский этнограф Э.А. Масанов

писал, что ее основной причиной стали «предположения русских людей» о том, что енисейские кыргызы после насильственного переселения их Жунгарским хунтайджи в Чу-Таласское междуречье «слились с казахами. Имело значение также влияние иностранной литературы, считавшей казахов потомками енисейских киргизов» [Масанов, 1966. С. 42].

Начиная с середины 30-х гг. XVIII в., в связи с принятием ханом Абулхайром российского подданства, приездом его полномочных посланников в Петербург к императорскому двору и утверждением к тому времени в среде столичной имперской бюрократии ошибочной «енисейской гипотезы» происхождения казахского народа казахи в России повсеместно стали именоваться *киргиз-казаками*, или *киргиз-кайсаками*, и *киргизами*, а их страна – *Киргиз-Кайсацкой*, *Киргиз-Казацкой* и *Киргизской степью* или *ордой*.

Еще в середине XVIII в. действительный член Петербургской академии наук Г.-Ф. Миллер указал на ошибочность отождествления енисейских кыргызов с «киргиз-кайсаками, живущими на бухарской границе к востоку от реки Яик» [Миллер, 1999. С. 307]. Автор рукописной «Киргизской, или Казацкой хорографии», составленной в 1771 г., российский путешественник Х. Барданес отметил, в свою очередь, несоответствие этнонимов «киргиз» и «киргиз-казак» действительному самоназванию казахского этноса, указав, что сами казахи никогда не называют себя «киргизами» или сложным именем «киргиз-кайсаки», а единственно называют себя «казак» [ИКРИ–4. С. 93]. Позднее «Геродот» истории казахского народа А. И. Левшин уделил в своем фундаментальном труде особое внимание проблеме ошибочной идентификации казахов с кыргызами и дал конкретное объяснение причинам сложившегося в науке заблуждения по поводу происхождения этой этнической группы кочевников центральноазиатского региона [Левшин, 2009. С. 135–144]. Впоследствии об ошибочности смешения казахов с бывшими енисейскими кыргызами писали В. В. Вельяминов-Зернов, Н. И. Веселовский, А. Вамбери, В. В. Радлов, В. В. Бартольд и другие видные русские и иностранные ученые, но их выводы не привлекли внимания российского правительства.

На общей карте Российской империи, входящей в Атлас 1792 г., территория Казахстана уже значится как «Степь кочующих киргис-кайсаков», и в том же Атласе есть отдельная карта Киргис-Кайсацкой степи. *Киргизской степью* (часто с уточнениями типа «Киргизская степь Оренбургского края» или «Киргизская степь Западной Сибири») именуется степная казахская территория на картах и в документах середины XIX в. (при этом Южный и Юго-Восточный Казахстан входят в Туркестанский военный округ, а затем – в Туркестанское генерал-губернаторство). В 1882–1917 гг. на территории Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей на основе бытовавшего и в XVIII в. макротопонима *Степь* было создано Степное генерал-губернаторство (Степной край), ставшее еще одним эвфемистическим названием для значительной территории Казахстана (русское название *Степи* фактически

совпадало (как калька) с бытовавшим в восточной среде (через персидскую письменную традицию) названием *Дашт(-и Кипчак)*.

Но переименование Киргизской степи в Степной край имело и другую сторону. Следует иметь в виду, что колониальными властями Российской империи, а также учеными империи Казахстан с определенного времени (присоединения Среднего жуза к России и ликвидации в нем ханской власти, присоединения Центрального и Восточного Казахстана к Западной Сибири в административном отношении) стал рассматриваться не иначе как окраина Сибири под соответствующими названиями: «*Степные окраины*» или «*Киргизско-Степная окраина*». Д. И. Менделеев включал в Сибирь «*Южно-Сибирский или Киргизский край*» (Уральская, Тургайская, Семиреченская, Семипалатинская и Акмолинская области – т.е. практически весь Казахстан без Сырдарьи и Мангышлака). П. П. Семенов-Тянь-Шанский делил Сибирь на пять географических областей. При этом Западную и Восточную Сибирь он именовал «коренной» Сибирью, к которой примыкала помимо прочих «*Киргизско-степная окраина*». В «Сибирском торгово-промышленном календаре» на 1911 г. описывались «*Степные окраины*» (Казахстан) и «Средне-Азиатские владения» (Туркестанский край). Этой ономастической линии чиновники Российской империи придерживались в официальном делопроизводстве и законодательстве вплоть до революционных событий 1917 г.

На II Общекиргизском (Общеказахском) съезде, состоявшемся в Оренбурге 5–13 декабря 1917 г. и представлявшем казахов, «разбросанных» по разным административным регионам России – Киргизскому краю, Степному краю, Туркестанскому краю, Букеевской губернии, была провозглашена *Алашская автономия (Алаш-Орда)* – государственное образование, впервые со времен Казахского ханства объединившего всех казахов. Столицей Алаш-Орды был избран Семипалатинск, позже переименованный в Алаш-калу, а глава ее правительства именовался по-русски *Председателем всекиргизского (читай: всеказахского) народного совета*. С точки зрения темы нашей статьи любопытно, что единственным (хотя и гораздо более слабым) соперником и противником партии Алаш на вышеупомянутом съезде стала «Казахская социалистическая партия «Ушжуз» (действовала преимущественно в Петропавловске и Акмолинске) (К. Тогусов, С. Сейфуллин). Идеалом этой партии, вероятно, было создание социалистической автономии трех казахских жузов.

Заняв антисоветскую позицию, Алаш-Орда неминуемо оказалась вовлечена в Гражданскую войну в России и весной 1920 г. была ликвидирована Советской властью. Ей на смену пришла советская автономия: *Киргизская Автономная Советская Социалистическая Республика (Киргизская АССР)* в составе РСФСР, со столицей в Оренбурге. Она существовала с 16 июля 1920 г. по 19 апреля 1925 г. В названии автономии использован этноним *киргиз*, которым и при Советах, как и в Российской империи, традиционно (и ошибочно) продолжали называть казахов. В эту автономию вошли Уральская, Тургайская и Семипалатинская области, Адаевский уезд

Закаспийской области, Букеевская губерния и южная часть Оренбургской губернии. В начале 1921 г. в состав Киргизской АССР была введена Акмолинская губерния, составленная из казахских уездов Омской губернии. В 1924 г. в состав Киргизской АССР вошли два кантона Башкирской АССР, а также северные (населенные преимущественно казахами) части Семиреченской (Джетысуйской), Сырдарьинской и Самаркандской областей, выделенные из состава бывшей Туркестанской АССР в ходе национально-территориального размежевания Средней Азии. Были образованы Джетысуйская и Самаркандская губернии. Следует обратить внимание, что хотя в документах на русском языке в этот период употреблялись неправильные названия этноса и территории, в документах и устной речи на казахском языке использовались слова *қазақ* и *Қазақстан*.

В 1925 г. на V Съезде Советов Казахстана образованная после распада империи национальная автономия казахов – *Киргизская АССР* была переименована в *Казакскую АССР*. Таким образом, было восстановлено правильное самоназвание казахов и их страны. Казакская АССР в составе РСФСР появилась на карте в апреле 1925 г. благодаря переименованию Киргизской АССР. Существовала с 15 апреля 1925 г. по 5 декабря 1936 г. В 1925–1927 гг. административным центром республики была Кызыл-Орда, затем – Алма-Ата. Одновременно произошло переименование Кара-Киргизской автономной области в *Киргизскую автономную область*. Переименование республик стало восстановлением исторической справедливости и устранением неверных и обидных наименований (*киргиз* вместо *казак*, *кара-киргиз* вместо *киргиз*), являвшихся наследием колониальных времен. В литературе и в массовой печати широко употреблялись сокращения – *Казакстан* и *Советский Казакстан*. Название республики писалось с двумя *К*, на латинице – *Qazaqstan*. Впоследствии в советской историографии произошла подмена и о Казакской АССР стали писать как о Казахской АССР, русифицировав это название. В 1928 г. в Казакской АССР были ликвидированы все губернии и принято новое административное деление на округа и районы. В 1932 г. округа были ликвидированы, и республика была поделена на шесть областей: Карагандинская (Петропавловск), Восточно-Казакстанская (Семипалатинск), Алма-Атинская (Алма-Ата), Актюбинская (Актюбинск), Западно-Казакстанская (Уральск), Южно-Казакстанская (Чимкент) и Каркаралинский округ. С принятием новой конституции СССР в 1936 г. статус Казакстана был повышен до уровня союзной республики, однако республика получила более русифицированное название (*Казахстан, Казахская ССР*), во избежание путаницы между казахским этносом и казачеством.

С 1991 года имя *Қазақстан/Казахстан* полноправно принадлежит Республике Казахстан, с чего мы и начали нашу статью.

Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Т.; Б.: Изд-во «КФМЦ «Ткисо»», 1996. 544 с.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва).

Элжанов О. Шығармалар, қосымшалар. Алматы: «Алаш», 2004. 123–129 б.

Боронин А. В. Двоеданничество в Сибири в XVII–60-е гг. XIX в. Изд. 2-е. Барнаул, 2004.

Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начало XVIII вв. Абакан, 1995.

Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Изд. 2-е. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985.

Витсен Н.-К. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. В трех томах. / Пер. с голландского В.Г. Трисман. Т. 1. Амстердам, 2010.

ГАОрО – Государственный архив Оренбургской области.

Древнетюркский словарь. Л.: «Наука», 1969.

ИКРИ–2. – История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

ИКРИ–3. – История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 3. Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

ИКРИ–4 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 4. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век. Алматы, 2007.

ИКРИ–9. –История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 9. Народные предания об исторических событиях и выдающихся людях Казахской степи (XIX–XX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

Исин А. Казахское ханство и Ногайская орда во второй половине XV – XVI в. Семипалатинск, 2002.

КРО–1. – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сборник документов и материалов / Сост.: Ф.Н. Киреев, А.К. Алейникова, Г.И. Семенюк, Т.Ж. Шоинбаев / Под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: «Наука», 1961.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб, 2004.

Кононов А. Н. История изучения тюрских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. Л.: «Наука», 1962.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Изд. 2-е. Алматы, 1996; Изд. 3-е. Алматы, 2009.

МИКССР–2 – Материалы по истории Казахской ССР (1740–1751) / Под ред. М. П. Вяткина. Т. 2. Ч. 2. Алма-Ата, 1948.

МИКССР–4 – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828) / Отв. ред. В. И. Лебедев. Т. 4. М.; Л., 1940.

МИКХ – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Отв. ред. Б. Сулейменов. Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е, дополненное. Алматы, Print-S, 2011. 740 с.

Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: «Наука», 1966.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е дополненное. Т. 1. М.: «Восточная литература» РАН, 1999.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991.

Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.

Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане (этапы этнической и политической истории кыргызского народа во второй половине IX – сер. XVIII в.). Бишкек, 2010.

Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. М.: Восточная литература РАН, 1996.

Пищулина К. А. Сложение казахской народности // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2. Алматы, 1997. С. 280–295.

Посольская книга по связям России с Ногайской ордой: 1489–1508 гг. М., 1984. РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

Сапаралиев Д. Взаимоотношения кыргызского народа с русскими и соседними народами в XVIII в. Бишкек, 1995.

Сапаралиев Д. Этнополитическая история Оша и его окрестностей в XVIII до середины XIX в. Бишкек, 1999.

Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата, 1988.

Труды Московского археологического общества. Т. 14. М., 1890.

Тынышпаев М. История казахского народа. / Сост. и авторы предисловия А. С. Такенов и Б. Байгалиев. Алма-Ата, 1993.

Шангин И. П. Дневные записки в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства о путешествии по Киргиз-кайсацкой степи. Барнаул, 2003.

Pritzak Omeljan. The Turkic Etymology of the Word Qazaq ‘Cossack’ // Harvard Ukrainian Studies 28 № 1–4 (2006): 236–243.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии8

ЧАСТЬ 1

З. А. Джандосова, И. В. Ерофеева Имя страны: история макротопонима <i>Қазақстан/Казахстан</i>	10
Г. Абжанова Основные проблемы топонимики Казахстана. Топонимика Восточно-Казахстанской области.....	25
Т. Т. Аршабеков Бұқар жырау ауданы бойынша тарихи топонимдерінің ерекшеліктері.....	33
А. А. Бурькин Гидронимы Западной и Средней Сибири. Иртыш.	39
А. П. Горбунов Особенности формирования некоторых топонимов Казахстана	46
З. А. Джандосова Десять Туркестанов: разные значения одного топонима	56
И. В. Ерофеева Историческая топонимика Казахстана как составная часть культурного наследия номадов.....	66
С. Т. Кожаметова Этимология топонима <i>Казалы</i>	81
Е. Ж. Оразбек Некоторые топонимы центральной Сарыарки (по материалам этнографо-топонимической экспедиции 2014 г.)	87
М. К. Семби Тюркский фольклор как основа этимологизации топонимов.....	94
Т. Д. Скрынникова Отражение деятельности Чингис-хана в топонимике бурят	99